

ЭВРИКА!

Как Андрей Михайлович стал писателем

Михаил Северин

Михаил Северин

Эврика

<https://litres.ru/74196883>

SelfPub; 2026

Аннотация

У вас есть такой знакомый. Всю жизнь ждал славы — по возрасту положена, как пенсия. И вот дождался: нейросеть пишет ему романы, интернет рисует улыбку, телеграм делает миллионером. Талант больше не нужен — достаточно кнопки. Эпоха, о которой мечтали все бездарности на свете, наконец наступила.

Андрей Михайлович Комов взял от неё всё. Роман — есть. Миллион — есть, пусть и штуками. Читатели — есть, он их сам себе написал. Осталось получить признание — а с ним у Комова разговор короткий: не признаёте добром, признаете через кожанку.

Сосед рассказывает эту историю смеясь. Дочитаете — и перестанете смеяться ровно на минуту: ту, когда узнаете в Комове кого-то из своей записной книжки.

Или из зеркала.

Содержание

Как Андрей Михайлович стал писателем

4

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Михаил Северин

Эврика

Как Андрей Михайлович стал писателем

Живёт в нашем городе человек — Андрей Михайлович Комов. По паспорту пенсионер, по ремеслу школьный фотограф, а по внутреннему убеждению — фигура исторического масштаба, до времени не расчехлённая.

Хлеб Андрея Михайловича — выпускные альбомы. Май у него страда: одиннадцатые классы, белые банты, мамы с влажными глазами. Комов ходит вдоль шеренги с лицом Караваджо, которого заставили снимать на паспорт.

— Десятый ряд, не жуём! — командует он. — Девочка с бантом, взгляд в вечность! В вечность, я сказал, а не в телефон!

Рассадив выпускников амфитеатром, он отходит, щурится — и страдает. Композиция гениальна, свет ложится, как в Эрмитаже, а ценить некому.

— «Тайная вечеря», — бормочет Андрей Михайлович, — и та пожиже будет.

— Андрей Михалыч, — торопит директриса, — у детей

через десять минут физика.

— У Леонардо, — отвечает Комов с достоинством, — физики не было. Потому и Леонардо.

Дети ржут в кулак, директриса вздыхает, а художник внутри Андрея Михайловича тихо плачет. Художнику тесно. Художник ждёт своего часа тридцать восьмой год.

С искусствами Комов накоротке — со всеми сразу. О своём актёрском прошлом говорит сдержанно, как большие мастера: в детском саду на утреннике играл Снежинку — был фурор, овации. С тех пор при любом разговоре о театре он веско вставляет: «Я, как актёр, скажу» — и до сих пор помнит, как держал паузу. Зал замер — а он стоит. Держит.

Тут я обязан предупредить: не подумайте, что Комов — зверь редкий, краснокнижный. Комовых нынче в каждом дворе по экземпляру, а где новостройки — по два. Порода живучая: к искусствам прикосновенны, трудом не запятнаны, славы ждут, как пенсии, — по возрасту положена. Андрей Михайлович среди них даже не худший. Он, скорее, эталон: по нему удобно выставлять остальных.

Фотоаппарат Комов взял в руки ещё в школе — глядя на дворового приятеля Пашку, нынешнего Павла Сергеевича. Пашка снимал — и Комов стал снимать. Пашка после института пошёл в газету — Комов институт тоже окончил, положил диплом в сервант и больше его не тревожил: сперва женился, потом прилёг. Пашка с годами выбился в литераторы, печатается по журналам, стоит на магазинных полках. Комов

снимает выпускные альбомы. При встречах он хлопает Павла Сергеевича по плечу и говорит с ностальгической слезой: «Всю жизнь, Паша, я за тобой — след в след». Тот кивает. Спорить с Комовым — занятие пустое: слова входят в него, как гвоздь в воду.

Была, к слову, у Андрея Михайловича и первая проба величия. Лет двадцать назад он открыл для себя плагин к фотошопу: нажимаешь — и снимок делается почти картиной маслом. Комов воспрянул. Месяц штамповал полотна, развесил их в интернете, назвалса художником и стал ждать ценителей с кошельками. Не пришёл никто. Зато вышел спор, который Павел Сергеевич запомнил надолго.

— А труд-то твой в чём? — простодушно удивился он тогда.

— Так ты же сам фотошопом пользуешься! — оскорбился Комов в лучших чувствах.

— Пользуюсь, — согласился Павел Сергеевич. — Только я в нём работаю. А ты в нём кнопку жмёшь.

Комов не понял. Он и сейчас этой разницы не понимает, а уж тогда — тем более. Художника не вышло, полотна тихо скончались в интернете, и величие легло обратно в чехол — ждать следующей кнопки.

Следующая проба вышла солиднее. Комов прознал, что средство массовой информации нынче регистрируют на себя, как дачу: бумаг немного, а звучит — как орден. Так на свет явилась «Межгалактическая правда» — сетевое изда-

ние со штатом из одного человека, зато с государственным свидетельством. Весь труд составили заявление да кнопка «опубликовать», но визитки Андрей Михайлович заказал немедленно — «Главный редактор Межгалактической правды» — и вручал их с лёгким поклоном, как верительные грамоты. Журналистом он с тех пор числит себя официально, при документе. Читателей у издания не завелось ни одного, ну да разве в читателях счастье, когда есть печать.

Окончательно же расчехлиться величию выпало прошлой осенью.

Зашёл Андрей Михайлович в книжный — зятю на день рождения выбирал что-нибудь недорогое — и аккурат напротив носа — Пашкина книга. Стояла спокойно, никого не трогала. Комов взял её, повертел и почувствовал, как в груди поднимается справедливость.

Почему, собственно, Пашка? Двор — один. Школа — одна. Фотоаппараты были одинаковые, «Смена», по червонцу. А в журналах печатают Пашку, и на полке стоит Пашка, и портрет сзади — Пашкин.

Ночь Комов не спал: ворочался, вздыхал, дважды ходил пить воду. Жена Люся пробормотала из-под одеяла: не сердце ли? «Хуже, — ответил Андрей Михайлович. — Судьба». К утру справедливость отвердела в план — простой и красивый, как всё великое: стать писателем, получить признание и миллион, а трудиться при этом не больше, чем привык, — то есть нисколько. Учиться Комов не любил со школы, ра-

ботать — с института, зато в себя верил так, как не всякая мать верит в сына.

— Люся, — сказал он за завтраком, — я ухожу в литературу.

— Мусор по дороге вынеси, — сказала Люся. Она за тридцать лет привыкла: муж уже уходил в бизнес, в политику, в целительство и в резьбу по дереву. Из резьбы вернулся быстрее всех — за час, занозив палец.

С планом Комов явился к Павлу Сергеевичу. Сел на кухне, положил на стол кепку и руки и объявил торжественно, как в загсе:

— Дозрел, Паша. Буду писать. Ты мне только азы покажи — остальное, чувствую, во мне уже есть.

— Что — есть? — не понял Павел Сергеевич.

— Всё, — просто ответил Комов и посмотрел на него взглядом человека, внутри которого действительно всё.

Павел Сергеевич, старый добряк, обрадовался: живая душа тянется к слову. Достал блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.